

Цзинь Цзяньсин понял, что с Чу Танем происходит что-то неладное, далеко не сразу.

Сначала взгляд рисующего юноши стал влажным, а в уголках глаз разлилась нежная, персиковая краснота. Затем чаще затрепетали длинные ресницы, порозовел изящный кончик носа...

Наконец Чу Тань прикусил губу, потревожив и без того воспалённую, покрасневшую корочку. Дыхание его учащалось с каждой секундой, сбивая с ритма весь окружающий воздух.

«Что с ним? Плохо стало? Только что ведь всё было нормально».

Осознав это, Цзинь Цзяньсин сходу поднялся на ноги:

— Эй, ты чего?

Бросив фразу, он без колебаний направился к нему.

Его крупная, мускулистая фигура отбросила длинную тень, а широкие плечи окончательно заслонили скудный свет. Цзинь Цзяньсин поднимался слишком резко — цветная куртка натянулась на мощном торсе. Сквозь тонкую хлопковую ткань угадывались рельефные грудные мышцы, а на шее от мгновенного порыва вздулась синеватая жилка.

Он приближался. И с каждым шагом всё ближе оказывались его губы — те самые губы, от одного вида которых у Чу Таня до судороги обострялся синдром оральной фиксации...

К тому моменту, как Цзинь Цзяньсин подошёл, Чу Тань, изо всех сил сдерживаясь, уже развернулся вместе с этюдником. Губы невыносимо зудели, будто по ним непрерывно проводили невесомым пером. Снова и снова.

Впрочем, когда Цзинь Цзяньсин только поднимался, он уже догадывался, что Чу Тань попытается от него отгородиться — закроется, убежит, спрячется так далеко, как сможет. Он морально подготовился.

Но когда юноша не просто отвернулся, а ещё и судорожно отодвинул мольберт, закрываясь им со спины, Цзинь Цзяньсин всё-таки выпал в осадок.

«Ну зашибись. Насколько же надо меня презирать, чтобы даже рисунок свой прятать? Хотя постойте, он же меня рисует! Какого черта художник скрывает картину от натурщика?»

Цзинь Цзяньсин сунул руки в карманы и бесцеремонно наклонился к натянутой на самый лоб бейсболке и хрупкой, напряжённой спине.

— Эй, отличник архитектурного факультета, ты как там? Живой?

— В норме... — раздался снизу глухой, слегка дрожащий голос.

— В норме? А по-моему, ничерта не в норме, — Цзинь Цзяньсину было плевать на заверения Чу Таня. Слишком уж жалко тот выглядел. — Ну-ка развернись, я гляну.

Молчание.

— По-хорошему не хочешь? Тогда я сам тебя разверну.

Цзинь Цзяньсин слов на ветер не бросал: сказал, что прицепится — прицепился, сказал, что повернёт силой — значит, действительно повернёт. Чу Тань отлично это понимал.

Выждав пару секунд и не дождавшись ответа, Цзинь Цзяньсин протянул руку, намереваясь развернуть его за плечо. Но не успел — пальцы юноши мёртвой хваткой вцепились в подол его куртки. Хватка была настолько отчаянной, что ткань натянулась до треска, разгладив все складки.

Цзинь Цзяньсин ошарашенно опустил взгляд. Перед ним была только чёрная бейсболка и белоснежная шея, смутно видневшаяся в разрезе капюшона.

«Собрался применить силу, а меня уже опередили?» — опешил Цзинь Цзяньсин. Кто из них вообще на кого нападает?

Чу Тань уже повернулся к нему лицом. Сидя на низком складном стульчике, едва доставая Цзинь Цзяньсину до бедра, он протянул тонкие, бледные руки и вцепился в края его одежды.

А в следующее мгновение произошло то, чего Цзинь Цзяньсин никак не ожидал: Чу Тань с невероятным, почти исступлённым усилием рванул его вниз!

И сдёрнул бы, не обладай Цзинь Цзяньсин идеальной реакцией и устойчивой спортивной посадкой. Он удержал равновесие и, чтобы не завалиться, пружинисто опустился на корточки, широко расставив ноги и оказавшись прямо перед Чу Танем.

Один на стуле, другой на корточках перед ним. Лицом к лицу. Рюкзак отлетел в сторону, кисти со звоном рассыпались по земле.

В полумраке, сквозь игру света и тени, Цзинь Цзяньсин внезапно поймал взгляд Чу Таня.

Прозрачные, похожие на лепестки персика глаза находились совсем близко. В них плескалась

влажная роса. Порозовевший кончик носа, ровные белые зубы, прикусившие нижнюю губу... Он выглядел как заиндевевший цветок — свежий, искушающий, пропитанный нестерпимой чувственностью и в то же время невероятно хрупкий. Смотришь на такого — и до зуда в пальцах хочется... сломать.

— Чу Тань?.. — еле слышно позвал Цзинь Цзяньсин. Голос почему-то мгновенно осип.

— Не дёргайся... — донёлся тихий, прохладный шёпот.

Эти два слова прозвучали одновременно как мольба и как властный приказ. Так смотрит изголодавшийся человек, неожиданно углядевший сочный кусок мяса.

Действуя напористо и дерзко, Чу Тань разжал пальцы на куртке и перехватил Цзинь Цзяньсина за плечи, намертво фиксируя его перед собой. Кончики его пальцев аж покраснели от напряжения.

Кадык Цзинь Цзяньсина судорожно дернулся. Мысли вылетели из головы, мозг заклинило. Когда Чу Тань, держась за его плечи, стал наклоняться ближе, так что их дыхания почти слились в одно, Цзинь Цзяньсин машинально подхватил его под локти и обнял за талию...

И тут из-за спины раздался восхищённый возглас:

— Ох-хо-хо, до чего же красиво нарисовано! Это вы нарисовали, ребятки?

Стариковский голос мгновенно разрушил дурманящую иллюзию.

В следующее мгновение Чу Тань с силой оттолкнул Цзинь Цзяньсина.

От неожиданности тот потерял равновесие и едва не грохнулся на задницу.

Цзинь Цзяньсин, совершенно не понимавший, что происходит, остался сидеть на земле в полном недоумении. «Его что, использовали и выбросили?!»

А Чу Тань уже вернул себе безупречный вид. Худи чистейшее, бейсболка на месте, лицо выражает полное спокойствие. Будто ничего и не было, он повернулся к подошедшей старушке и завел непринужденную беседу.

Скорость, с которой этот парень сменил страсть на равнодушие, достойна Книги рекордов Гиннесса. Он даже не взглянул на Цзинь Цзяньсина!

Цзинь Цзяньсин аж хмыкнул от злости. Смех, да и только!

— Сынок, это твоя работа? Надо же, не думала, что в наши трущобы ещё ходят художники за вдохновением, — бабушка разглядывала рисунок с искренним интересом.

Чу Тань вежливо улыбнулся:

— Бабушка, я не художник. Это просто хобби.

— Не художник? Да ладно! Надо же так передать... Смотри, как эти развалюхи живо вышли! А этот парнишка в углу — с каким он раздражением сидит...

Старушка подняла глаза и посмотрела на «парнишку».

Цзинь Цзяньсин уже поднялся и энергично отряхивал штаны от грязи. Похлопывания выходили громкими, демонстративными. Парень буквально закипал. От чего именно? От того ли, что старушка испортила такой момент, или от того, с какой жестокостью Чу Тань его отпихнул?

Тем не менее, собирая с земли рассеянные кисти, Цзинь Цзяньсин всё же сдержался и вежливо кивнул пожилой женщине. Воспитание не позволяло хамить, хотя внутри всё бурлило, как готовящийся к извержению вулкан.

— Ой, точь-в-точь! — обрадовалась бабушка. — Если закрыть нижнюю часть лица — вылитый ты сейчас! Надо же, как схватил выразительно!

Цзинь Цзяньсин опешил: «Закрыть нижнюю часть лица? Это ещё зачем?..»

Направившись к рисунку, чтобы разобраться, в чём дело, Цзинь Цзяньсин отвлёкся: старушка начала расспрашивать о цели их визита. Выслушав Чу Таня, она с готовностью кивнула:

— Да без проблем! Положитесь на меня. Я тут всю жизнь прожила, со всеми знакома. Если скажу заполнить ваши бумажки — все заполнят, не сомневайся!

— Спасибо вам большое, бабушка, — улыбнулся Чу Тань.

— Только вот не пойму я, сынок... Зачем тебе сдались эти опросы именно в нашем районе?

Цзинь Цзяньсин тоже замер. Этот вопрос волновал и его.

По узкому переулку, сигналя, проехали два мотоцикла. Торговцы убрали лотки, из школ возвращалась шумная орава детей. Захудалый городской посёлок, ещё недавно казавшийся мрачным и вымершим, оживал, наполняясь простым бытовым шумом.

Чу Тань огляделся вокруг, и улыбка его стала еще теплее.

— Потому что я будущий архитектор, — произнёс он с удивительной искренностью. — Я хочу принести свет в каждый уголок, где кипит настоящая жизнь. Будь то элитные небоскрёбы или вот такие полузабытые кварталы... Независимо от того, богаты люди или бедны, каждый заслуживает жить в светлом, тёплом доме. Чтобы дети росли в уюте и радости.

Его слова звучали настолько глубоко и чисто, что Цзинь Цзяньсин замер от неожиданности. В этот миг на обычно холодном, неприступном Ледяном красавце словно отразился отблеск яркого, теплого заката.

«Служить людям, нести свет и менять мир к лучшему» — пожалуй, именно это сейчас происходило у него на глазах.

Позже Чу Тань вместе со старушкой обошёл весь район: делал фотографии освещения, разговаривал с местными жителями, выяснял их потребности. Бланки анкет оказались заполнены до отказа — пришлось даже прикладывать дополнительные листы, так что папка едва помещалась в руках у Цзинь Цзяньсина.

Кто бы мог подумать, что план Чу Таня действительно сработает.

Уже в автобусе по дороге назад Цзинь Цзяньсин вдруг кое-что вспомнил. Пересев поближе к Чу Таню, он протянул руку к его рюкзаку.

Чу Тань, сидевший в наушниках и всю дорогу хранивший молчание, вопросительно изогнул бровь:

—?

— Дай картину посмотреть.

Чу Тань помедлил:

— Ты уверен?

— Вполне, — кивнул Цзинь Цзяньсин.

— Ну ладно... Только морально подготовься.

— В смысле? — Цзинь Цзяньсин не понял.

«Он что, нарисовал меня уродом?»

Художественные пейзажи Чу Таня он видел — они были хороши, а вот портреты... Мало ли, вдруг не его конёк.

— Да ладно тебе, не укушу же я тебя за плохой рисунок.

По правде говоря, Цзинь Цзяньсина куда больше волновало то, что произошло днём, но, видя утомлённый вид парня, он решил отложить этот разговор.

Чу Тань вздохнул, достал из рюкзака мольберт и передал ему лист.

Дома вокруг были изображены с поразительной точностью: тесно прижатые друг к другу одноэтажные постройки, чёткие линии, безупречная перспектива. А в левом нижнем углу стояла мужская фигура.

Длинные ноги, широкие плечи, стильная зачёсанная назад причёска, глубокий взгляд...

Проработанные детали одежды, невероятная реалистичность — рисунок выходил просто шедевральный.

За исключением одной маленькой детали.

У нарисованного Цзинь Цзяньсина полностью отсутствовал рот...

<http://bllate.org/book/20661/2122418>